

Размыкание алхимического *rebis*-подобного мифического кольца в культурное — историческое — пространство мнится как разрешение иной оппозиции: вечносушность — житийность, миф — летопись, вневременная алхимическая *литургия* — исторически фиксированное *летописное житие*... Первое осуществление чуда трансмутации есть сюжет первого алхимического жития. *Трансмутация* может стать *пресуществением*. *Жизнь* адепта — *житием* святого. Алхимическое делание — сакральной литературой. А потом и просто литературой — авантюрной, плутовской — какой угодно. Но именно к этому все идет. От мифа к литературе; от мифа к истории; но к такой литературе и таким историям, которые помнят и говорят (!) о своем мифическом предбытии. Но как же свершилось это радикальное превращение?

ВЕРНО, что алхимическое мифотворчество практично в отличие от духовного, собственно христианского мифотворчества. Его материальная изнанка, дополняющая, но и карикатурная. Алхимия — это магия, принявшая, однако, в средневековые времена форму теургии, то есть прямого воздействия на верховного бога. Именно в монотеистической алхимической магии языческие сны и христианская явь живут нераздельно⁶. Но здесь-то и таится возможность преобразования алхимического мифа, в иное: *оборотничество* как *пресуществение*.

В позднеалхимические времена эта мифологема становится предметом осознания. У Джона Пордеджа (XVIII в.) в трактате «*Божественная и истинная метафизика, или дивное и опытом приобретенное ведение очевидных и вечных вещей...*» читаем: «Я говорю здесь не о земном философском камне, металлы превращающем, но писания мои целят на небесный Магический Камень, превращающий из состояния падения в состояние славы, в утверждение десятого числа во святая святых» (ок. 1787, II, с. 469). К этому стремятся маги, причастные божьей любви и действующие «силою духа святого». Алхимическое трансмутационное мифотворчество пресущественляется в божественное дело, объемля весь средневековый окоем. Миф, притязающий и на чужое пространство, деградирует в немифическую реальность. Языческое оборотничество ушло в *пресуществение*, но ушло алхимическим образом — опять-таки с помощью «камня», хотя и «небесного, магического». Но здесь же воспроизводится и черномагическая возможность: *божественная премудрость «есть Белый Камень, тингирующий естественный камень, который исходит из святой троицы и обещан победителю» и прямым путем ведет к «Черному Камню, как философы знают»* (III, с. 308). «Черный Камень» соединяет с Христом вечным словом и горящей любовью. Начало черномагической алхимии, еще помнящей о христианском мифе, живущей рядом с ним, им и притворившейся. Утверждается понятие об *адской*

⁶ Языческие сны — поскольку это магия; христианская явь — поскольку магия эта теургична.